

Культура. — 1992. — 26 дек. — с. 12. Портрет

Честно говоря, я собирался про Сашу Никитенко написать строк шестьдесят. Дескать, появился талантливый артист. Прошу, мол, обратить внимание. Шестьдесят строк вполне хватит — все-таки не Хазанов и не Шифрин. Но тоже артист, тоже талантливый, тоже умный. Но... Саша Никитенко.

ЕРАЛАШ САШИ НИКИТЕНКО

ПРО ПАРЕНЬКА, КОТОРОМУ
НАДО БЫ СТАТЬ «СУПЕРЗВЕЗДОЙ»

Я о нем раньше ничего не слышал. Но когда увидел на сцене, тут же пошел к нему за кулисы. Сначала просто тихонько за ним понаблюдать.

Знаете, кого он за кулисами напоминает? Недотепу он напоминает. Вот кого!

Это за кулисами.

А что на сцене?

Мой любимый вид искусства — детский киножурнал «Ералаш». У Саши Никитенко на сцене тоже ералаш. Но в прямом смысле этого слова.

Его номер длится минут семь. Это для эстрады огромное время. Роман Карцев тоже может со своими «раками» минут по десять со сцены не уходить. И мы сидим, парализованные хохотом. Но это целено продуманный номер. Наше внимание и внимание артиста ни на секунду не рассеивается. У Саши пока что-то вроде разноцветной гири, что-то вроде «творческого отчета» — а вот я еще и это умею! Номер превращается в концерт отдельных, пусть удачных, находок, то есть номер превращается в концерт из разных номеров. Безусловно, Саша нашел образ. Но нельзя же в классической эстраде быть актером: что вижу, то подражаю. Ведь от Саши складывается впечатление — а про что бы ему еще пошутить?

Тем, что зритель все равно хохочет, не надо обольщаться. «Все равно» — не результат для артиста. Да мало ли способов рассмешить? А у настоящего артиста способ только один — цельность и неповторимость. У Саши Никитенко пока слишком много способов. И подчас довольно случайных. За «маску» все не запишешь, там только лицо должно быть.

Кстати, о маске. Он — «простака». Он действительно простодушен. И вы, сочтя его реплику дураковатой, тут же обнаруживаете, что заблуждаетесь. Что неожиданно поменялись с ним ролями. А он стоит и лучезарно улыбается. Он не хотел никого обидеть, просто вслух подумал. Всего лишь!

Понимаете, этот шумный, бесшабашный паренек все время, оказывается, думает. Вот и вам приходится. Хорошее, кстати, занятие. А смеетесь потому, что, значит, поняли. Смех — это «знак качества». И актера, и зрителя.

Приятно, даже замечательно, что талант достался преиспытаннейшему человеку. Такое мудрое простодушие я редко встречал. Ну у Ростислава Плятта, у Евгения Леонова, у Анатолия Папанова, у Романа Карцева. Да нет, Саше до них семь верст до небес. Но их человеческое в нем уже проглядывает.

Он, например, тоже обожает жену. А я, признаться, в мужиках это очень ценю. Они с Лерой уже который год ходят буквально взявшись за руки, неразлучно. Встрепанный (ой, не красавец!), вроде бы дурашливый Саша и тихая красавица Валерия, закончившая романо-германский факультет и аспирантуру университета. Это, я вам скажу, тоже крупный дивертисмент: расплаившийся в разговоре, забравшийся с ногами в кресло Саша и деликатно присевшая на краешек стула Валерия, которая порой смущенно и даже огорченно шепчет в воспитательных целях: «Саша! Саша!» Никитенко тут же принимает лицом церемонную позу и, весь сияя, говорит: «Она у меня очень умная!» Черт их разберет, но говорит, по-моему,

без лукавства и действительно гордясь. А то, что влюблен, как полоумный, это уж мне поверьте.

Вы вправе не верить мне на слово. Я хочу кое-что привести из наших с Сашей разговоров. Это поможет вам ну хотя бы всего лишь именно кое-что понять без моего, конечно же, субъективного вмешательства.

— У комиков обычно бывает трудное детство.

— Да не! Просто в детстве любил жутко кривляться и перердывать. Особенно нравилось двоюродной сестре Свете. А вот учителям в школе не нравилось, они мне двойки ставили. Я очень любил физкультуру и рисование. А остальные науки как-то в жизни и негодились.

Мама меня, конечно, часто колотила. Она у меня веселая, судомойкой в столовой работает. В ней очень много энергии, и она не знает, куда ее деть, на что ее тратить. Она меня колотит, а мы оба хохочем. Сейчас на пенсию уходит, так все в столовой очень об этом жалеют. Я, между прочим, тоже люблю посуду мыть. Я маму жутко обожаю! Она как ребенок!

— Хорошая наследственность. В актере ведь и должен сохраниться ребенок.

— У нас в школьном драмкружке была Людмила Николаевна и потом, уже в театре «Христофор», Владимир Перцов. Так они меня тоже учили «несерьезно» относиться к работе, что искусство — это игра, что в актере должен жить ребенок. Я, правда, не знал, что стану артистом, а Людмила Николаевна знала.

— А как ребята относились? За дурака не считали?

— Я не люблю панибратства, я просто закрываюсь от таких людей. В классе, конечно, был клоуном, но не когда другим хочется, а когда мне хочется. Они со мной смеялись, а не надо мной.

Друзей у меня почти не было. Ко мне плохие люди не липнут, а к хорошим самому липнуть неудобно. Вот и мало друзей.

В эстрадно-цирковом училище был Николай Александрович Казаков. Его кличка была «Тиран». А он научил меня вызывать в себе большое чувство — и в жизни, и в профессии. Разве это не друг!

— А, может, вы скрытный? Поэтому и друзей мало.

— Пожалуй, скрытный. Но не на сцене. Там я как раз раскрываюсь. Как ни странно, именно «маска» помогает раскрываться. Когда я на сцене, обо мне многое можно узнать.

— Но на сцене вы выглядите дурашливым, беззащитным существом. Вы, что ли, такой?

— Этот вопрос мне не по уму. Это уже анализ. Когда тебе хорошо, не анализирую. Анализ может все это разрушить. Я не всегда понимаю природу происходящего.

— Хотел бы я видеть человека, который «всегда понимает». Впрочем, я таких как раз встречал, но лучше о них не вспоминать. А как вы относитесь к интеллекту?

— С уважением, но без зависти.

В детстве я совсем не читал книг. Особенно старался школьные учебники не читать. В доме книг было мало, мама мне на книгах записки писала: «Сашко, сходи за хлебом, а то нэма». Потом стал читать и очень много. Сейчас опять перестал, пожалуй.

Литература ведь лишь по-

учает — это хорошо, это нехорошо. А тому же можно гораздо сильнее научиться просто в жизни. То есть идет процесс, но без букв. Иногда крошечная фраза Будды скажет больше, чем целая библиотека книг. Она ложится на жизнь. Дело ведь не в перемене поступков, а в перемене мыслей. Поступать ведь можно и без мыслей.

— Не понял.

— Ну, и не надо.

— Вы на эстраде всего несколько лет. За последние полтора года получили «Гран при» в Сочи и лауреата «Кубка Райкина» в Риге. Не то что бы я против, но есть в этом что-то обольстительное. С толку не сбивает?

— В Риге я получил в качестве приза соболью шапку. А на что ее надевать? Провал.

Актер должен знать свою меру. Актер жестоко расплачивается за «безмерье».

— А как насчет спонсоров?

— А никак! Они, конечно, после Сочи объявились. Но они хотят меня купить, они хотят перекупить мою душу. А я доверяю своей душе больше, чем спонсору или автору.

Недавно со мной стали заключать договор. А там полно пунктов: «Актер должен...», «Актер должен...» А мне-то хоть что-нибудь должны? Впрочем, там есть пункт: «В случае смерти актера фирма обязуется...» Тоже, конечно, полезно.

— А что же дает силы жить?

— А вот, представьте, ночь. Темно. Солнца нет... Но оно есть, просто мы его пока не видим.

...Такой вот разговор.

Понимаете, в том же Голливуде умеют даже из ничего делать «звезд». За них берутся режиссеры, авторы, продюсеры. Делают им имидж. Нет, не просто рекламу, а именно имидж. То есть репутацию. Вытаскивают из проблем дарования статуэтку образа. И (!) воспитывают в актере личность. Без этого на сцене, на экране можно только притворяться. А перед зрителем притворяться — пустое занятие.

Вот в Америке из Саши Никитенко в кратчайшие сроки сделали бы «суперзвезду». Есть из чего. Там любят «простаков». Наверное, потому, что сами умные. «Простак» ведь прост, как непотревоженная мудрствованиями мысль.

А пока у нашей горемычной, извините, «суперзвезды», которую для ее же пользы колотит веселая мама и заставляет читать книги умная жена, полный ералаш. И в этом бултыхании в самом себе он вполне может оказаться на потоке гастролей по непротопленным клубам. И никакой «Гран при» ему не поможет. Нет, публика его будет любить и в нынешнем качестве. А вот «корифеям» этот талантливый паренек, попомните мое слово, скоро перестанет нравиться. И понять их вполне можно.

Саша мне сказал: «Не люблю конкурсы. За кулисами так хорошо — я всех люблю, меня все любят. А конкурсы приносят раздор».

Пока у Саши тяжелый конкурс с самим собой. Это опасно. Далеко не всегда талант сам себя выводит в люди.

Впрочем, солнце ведь всегда светит. А если темно, то это значит, что мы его просто пока не видим.

Эдуард ГРАФОВ.